

Маргарита Хемлин

КРАЙНИЙ

Маргарита Хемлин

КРАЙНИЙ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х37

Художественное оформление *Ирины Сальниковой*

Хемлин, Маргарита Михайловна.

Х37 Крайний : [роман] / Маргарита Хемлин. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. — 286, [2] с. — (Проза: женский род).

ISBN 978-5-17-099308-6

Маргарита Хемлин (1960–2015) – прозаик, автор романов «Клоцвог», «Дознаватель», цикла повестей и рассказов «Живая очередь». Финалист премий «Большая книга», «Русский Букер», «НОС», лауреат спецпроекта «Инспектор-НОС» за лучший постсоветский детектив.

Приключениями в недрах советской эпохи называют ее повести и романы. Великолепный язык, виртуозный сюжет, исторические аллюзии и параллели – фирменные знаки ее прозы. Место действия – Украина, Россия, Израиль. Время – XX век.

Главный герой романа «Крайний», постоянно находясь в центре событий, тем не менее всегда *крайний*. Он заложник обстоятельств – и на войне, и после войны. Судьба затягивает его в водоворот, из которого, казалось, не выбраться: еврейский партизанский отряд, «дело космополитов» и неутоляемая жажда любви и покоя.

Это история *невинного*. История о времени, когда счастье отменяется.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099308-6

© Хемлин М.М.
© ООО «Издательство АСТ»

Каждый человек должен отчитываться. Если есть коллектив — отчитайся перед коллективом. Если нету коллектива или личное положение другое — все равно найди перед кем, и будь добрый, отчитайся. Причем на совесть. Этим беззаветным отчетом человек и отличается от животного мира.

Моя судьба сложилась таким образом, что в настоящий момент у меня по ряду уважительных причин коллектив отсутствует. Надо честно сказать, что я даже разучился спать в коллективе — сильно храплю и прочее. Что естественно и безобразно одновременно. Пусть. Но вне коллектива я тоже остаюсь человеком. В этом я лично не сомневаюсь.

Сейчас по радио и телевидению много хвалят различные медицинские препараты и называют их номера по какой-то регистрации, а значит, не врут людям. Я себя настолько неважно чувствую, что вообще сильно склонен доверять. И понимаю, лекарствами многое можно поправить без следа. Вот коплю средства на некоторые медицинские возможности, которые облегчат.

Только не нужно думать, что я совсем дурной и надеюсь прожить новую жизнь. Я далеко и далеко не дурной.

Между прочим, у меня много грамот и медалей. Но мне не к кому обратиться. Потому я сделал вид, что пишу эту книжку прямо из головы, из самого своего сердца. Без присущих всем прикрас.

Пока еще был относительно молодой и здоровый, в 1977 году, я шел по центральной части родного города Чернигова — как раз напротив главпочтамта — через прекрасного вида аллею тополей и каштанов в полном цвету. Возле памятника Владимиру Ильичу Ленину комсомольцы нашего древнего города закладывали капсулу с отчетом и приветом к комсомольцам XXI века и в ознаменование 60-летия Октября. Я постоял рядом, посмотрел. Что греха таить, у меня мелькнула дерзкая мысль, что вот и я мог бы принять участие в этой торжественной капсуле. И сотни точно таких, как я. Но я не допустил подобные рассуждения дальше, а утешил себя тем фактом, что XXI века воочию ни за что не увижу, в отличие от красивых хлопцев и девчат, которые расположились ровными шеренгами вокруг памятника и кое-кто из них — с неиспользованными лопатами в руках. А на лопатах, на держалках, — навязаны красные банты. У одного такой бант съехал в самый низ и мешал копать-закапывать, что запланировано, и ответственный хлопец нервничал, а не сдавался и махал лопатой еще и лучше всех. Я запомнил его целеустремленное лицо. И оно мне иногда светило.

И вот все-таки настал XXI век. И сколько этих капсул позакопано там и тут? Кто их считал-учитывал? Никто не считал и тем более не учитывал. А я взял бы и откопал их, и все прочитал вслух по телевизору.

И хлопчика того я б помог найти, так как его словесный портрет у меня в мозгах не вытерся ни на линейку, ни на кружочек.

Меня ж тогда в капсулу не позвали, а ты, хлопчик, теперь почитай на весь голос, что отрыли с-под многострадальной земли.

Но гроб есть гроб. Что туда ни суй. А капсула — так это только называется, по-современному. И потому отрывать с-под земли ничего не надо. И хорошо б отрыть. А не надо и не надо.

И я твердо решил написать свою капсулу.

У меня есть большой китайский термос с розами. Держит кипяток сухим. И что характерно — не протекает, хоть я его купил много лет назад. Он — не розы, актуальности за долгие годы не потерял. В этом сухом термосе я завариваю травы, в частности пустырник. И другое тоже — по срочной необходимости.

Я в этот термос положу все, что надумаю. Всю свою капсулу, до единой буквочки. И лопату возьму, и красный бант навяжу, и закопаю. Вот так, хлопчик мой дорогой и любименький. Ты и знать не будешь.

Я прожил быстротечную жизнь. И в результате ее привык начинать с нелицеприятных анкетных данных.

Фамилия — Зайденбанд.

Имя-отчество — Нисл Моисеевич.

Год рождения — 1928.

Место рождения — город Остёр Черниговской области.

Национальность — еврей. Вот в чем один из вопросов. На другие я тоже отвечу.

Родственников за границей видимо-невидимо. Но без всяких отношений с моей стороны. Тем более без пользы. Хоть, по разговорам, там медицина первый сорт и выше. В чем я лично сомневаюсь. Потому что человеку положено болеть и умирать. И исключений тут нету и быть не должно. Как поется в народной песне: если раны, то мгновенной, если смерти — большой.

Я не шучу.

Эта книжка не наполнится чувством юмора.

Начну сразу.

Мне тринадцать лет. Вот я сижу в лесу и мечтаю быть полицаем. Берет меня, аж забирает жгучее желание не умереть. То есть еще хоть раз увидеть своих родителей.

Я так понимал, что поступлю в полицаи, и тут моя жизнь придет в нужную норму. И надо все-ничего — отбросить страх и сомнения и выйти из леса в Остёр. Гайдар в четырнадцать лет командовал полком. Ну, в пятнадцать.

Мое положение осложнялось тем, что мне не было с кем посоветоваться. Я находился совершенно один посередине непроходимого леса — по моим предположениям, в районе железнодорожной станции Бобрик, где я бывал с мамой и папой по дороге куда-то к знакомым.

Я проделывал и проделывал свой путь в Остёр на протяжении нескольких дней, с короткими привалами. Без пищи и жидкости, если не считать ягод и студеной ключевой воды, от которых болел живот и тем самым путал мое сознание.

Я убежал из Остра только потому, что поверил Винниченке. Моя доверчивость подводила меня не однажды. Но на ту минуту я поверил бесповоротно. Неизвестно, почему и отчего. Как говорится, вера — большое дело.

Не могу утверждать, что являлся непосредственным свидетелем расстрела еврейского населения Остра. Я слышал выстрелы только издали. Уже из леса, за Волчьей горой.

К тому же я сам не чувствовал прямой связи между собой и теми, кого расстреливали и убивали. Я не понимал причины и следствия сложившихся страшных обстоятельств.

Отец с мамой часто обговаривали текущее положение. И получалось у них, что ничего хорошего нету. А тут немцы. Ну не может же быть так: чтоб и тут ничего хорошего, и там ничего хорошего тоже. Где-то ж хорошее должно пристроиться! И может, оно пристроилось как раз у немцев. Об этом говорили на базаре, когда бабы ругались с беженцами с запада. Я под это украл две здоровенные груши. Они вспоминались мне всю мою скитальческую дорогу. Можно сказать, икались. Как заглатывал почти целиком, так и икались.

Мои родители, зоотехники, прибывшие в свое время на работу в Остёр из Чернобыля, в момент наступления оккупации оказались вразброс по дальним селам района. Колхозный скот эвакуировался, и они уже недели три мотались из пункта в пункт по прямой служебной обязанности.

Таким образом, их судьба оказалась для меня закрытой.

Проклятое сентябрьское утро, когда под нашими окнами раздалась немецкая фашистская речь, я встретил самостоятельно, без родительского догляда и разъяснений.

Перед моими глазами на улицах происходила страшная суматоха. Немцы бегали из дома в дом. Конечно, по дороге и по порядку заглянули ко мне. Но я благодаря невысокому росту спрятался в сундук.

Я никогда не отличался общительностью, но со стороны взрослых, даже и чужих, можно было бы в такой момент проявить внимание и подсказать. Нет.

Только через сутки забежал папин знакомый, Винниченко Дмитро Иванович, с сыном которого Гришей я искренне дружил. Он наказал мне прятаться хоть где, только не в хате, и при таких словах ничего не раскрыл по сути.

— Хочешь жить, ховайся, хлопэць. Ваших завтра будуть убываты. Еврэив.

Про то, что я являюсь евреем, так же, как и мои родители, мы хоть и не часто, но обсуждали с Гришей Винниченко. И каждый раз приходили к выводу, что ни черта я не еврей, то есть не жид, как называл это Гриша.

— Если хочешь знать, жида — воны ух якие! У них тайна особая, жидовська. И воны ии за собой всюды по всий земли тягають. А отдавать никому не хотять. Жидяться. А ты ж не жидишься. Ты ж мэни и мячик дав назовсим. Назовсим же ж? Дак ото ж.

Да, я отдал Грише свой мячик. Красный с полосочками. Не помню точно, какого цвета поло-

сочки. Но точно отдал. И ничего не выпрашивал, за просто так.

Я поинтересовался, откуда Грише известно про незнакомую мне жидовскую тайну. Он признался, что ему рассказал отец. Но при этом, как уверял Гриша, Дмитро Иванович меня и моих родителей хвалил и даже смеялся в наш адрес:

— От люды, гоняють жидив... А на шо им тая тайна? Ну, золото, я розумию. А то — самы нэ знают, шо ще б такого смачного захапаты. Хай сами жиды тиею тайною подавляться...

Мой товарищ крепко дрался плечом к плечу со мной, если меня задевали на национальной почве. Хоть почва как таковая в нашем райцентре уходила от моих обидчиков — евреев же половина школы. А если брать в общем и целом — половина Остра.

С родителями я этот вопрос никогда не обсуждал.

Мы с Гришей — родные братья навек. А Гриша точно не еврей. Значит, и я.

Я спросил, почему Дмитро Иванович с винтовкой.

Он ответил:

— Я тэпэр полицай, шоб им усим повылазыло... Я и буду завтра вас усих стреляты. Тоди нэ просы, хлопчик... Нэ просы...

И вот меня причислили. Объявили евреем. Оторвали от Гриши. Я — «вас». Обида захлестывала с краями мое полудетское сердце.

Я побежал в лес в чем был. То есть практически голый. Если считать, что на дворе середина сентября.

Да. У кого винтовка, тот и стреляет. А кто стреляет, тот и милует. Вот Винниченко меня и помиловал, как умел. И я помиую своих отца и мать, когда они объявятся. Потому что буду полицай с винтовкой.

В результате усталости и голода я тайком возвращался в Остёр, примерно сказать, на протяжении недели.

Ночью подкрался к хате Винниченки. Стукнул в окно четыре раза специальным манером, как мы с Гришей обычно вызывали друг друга.

Гриша выглянул, разглядел меня и выбежал во двор. В руках у него находилось полбуханки черного хлеба. Схватил меня за локоть. Наткнулся на острую кость.

Аж ойкнул:

— Шкелет! Бежим у сарай!

Мы без слов и выражений дружеских чувств кинулись в сарай за хатой. Там, в кромешной темноте, состоялся наш разговор.

Я, конечно, кушал хлеб, но одновременно говорил:

— Гришка, настала отчаянная, решительная минута! Я решил записаться в полицаи! Мне дадут винтовку!

— И шо? — Гриша смотрел на меня блестящими глазами.

— И то! — Я не знал, что говорить дальше.

Хлеб быстро закончился, и мне не за что стало цепляться руками, чтоб удержаться на одном месте. Я повалился на сено. Гришка рухнул на колени рядом.

— И шо, з винтовкой побежишь до партизанов? Тут есть. Говорять, можно до них прыстать.

— Зачем? Не. Ни к кому я приставать не буду. Возьму винтовку и буду тут жить. В своей хате. Ждать батьку с мамкой. Надо кого застрелить — пойду и застрелю. А потом опять буду жить. Твой батько ж так делает. А мне нельзя?

— Ну, так... Правда... Надо з ным поговорыты. Як и шо. Вин мэни наговарював на прошлое. Говорыв, шо тэпэрь краще станет. Нэ знаю. И шо, своих тоже постреляешь?

— Каких — своих? Батьку с мамкой? — Я был готов рассказать о своей задумке.

Но Гриша свернул в сторону.

— Ну, нэ родытелив. Другых еврэив.

— Так их же без меня. Уже. Или еще нет?

— Вже. Ты одын.

Значит, и Гриша меня причислил. Отрекся.

Теперь я окончательно — еврей. Из тех, про которых кричали: «Жид-жид, по веревочке бежит».

И мне отныне и вовек — бежать по веревочке.

Тут со всей силы распахнулась дверь. На пороге обнаружился сам старший Винниченко. С винтовкой. В подштанниках. Со сна.

Гришка загородил меня спиной и скороговоркой объяснил отцу, что к чему.

Винниченко сказал:

— Я ж думав, я тэбэ на развод оставыв... А ты ж припэрся... Гад ты малой! Дурной! Ой же ж дурной! Нэ даром тэбэ дурным уси звалы. Ты останние шарыки з головы потэряв. Шо с тобой зараз

робыть? До утра посыдь отут у сараи. А утром выришим шось... Полицай сраный! З тобою и рассуждать ништо нэ успеет, до стенки прыжмутъ и размажутъ. Ваших у полицаи нэ бэрутъ. Шоб ты токо знав. Трынадцять год, а до вынтовки тягнеться, гад!

— Почему не берут? — спросил я.

— Прыказ такой по земли: нэ брать!

— У нас все народы равны! Вы что, Дмитро Иванович, не знаете?

— От имэнно! То у вас, а то тэпэр...

Я не стал ждать, что надумает Винниченко, и тем же путем скрылся в лес.

Теперь что касается настоящего состояния моего развития. Действительно, про меня ходили различные слухи, что с головой у меня не все нормально. В школе я учился ниже посредственного уровня. Читал плохо. Но я не был такой один. Это о многом свидетельствует. К тому же меня всегда выручала моя память. Правда, я имел обычай запоминать всякую чепуху наряду с ценными сведениями, не имея возможности делать различие. Слова одно за одним, без запинки, как фотографии, стояли в памяти. В том числе и фамилии с именами. С лицами мне было трудней. Лица запоминались кусками. От кого — нос, от кого — уши, от кого — зубы. По-всякому.

И вот я опять оказался в лесу.

Понял так: я остался из евреев последний.

Что в Остре, что по всей земле, сколько ее существует в мире, живут люди. А я отдельно —

последний еврей. И я проклинал себя, что плохо учился в школе и не развивал своих природных способностей.

Теперь мне предстояло много испытаний. Путь к возврату отпал навсегда.

Я шел по направлению куда глядят глаза. И вышел на некий хутор в самой глубине леса. Там представился обычным сельским мальчиком по имени Гриша в честь моего друга Гриши Винниченки, что первым пришло в голову.

Попросил кушать.

Пожилая женщина, которая в тот момент была одна на хозяйстве, меня покормила и поинтересовалась, что я делаю в таких условиях и далеко от дома. Я сообщил, что просто гуляю.

Она удивилась, потому что война. Подробностей женщина не знала, так как не отлучалась из своей хаты последние несколько дней. Хотя она знала, что пришли немцы, — со слов мужа, более активного в передвижении. Базар и прочее.

Галина Петровна спросила мою фамилию, и я назваля Винниченкой, потому что уже сказал, что я Гриша. Она покивала и предложила мне отдохнуть.

Я заснул.

Проснулся в темноте, в тишине и покое. Забыл, что вокруг опасность.

За прошедший период муж Галины Петровны не вернулся, и она сильно волновалась. Я ее успокаивал примерами из жизни, когда че-